

Глава 30

Холодно.

Это было первое, что почувствовал Цзинчжэ.

Кожа, соприкасаясь с ледяным воздухом, заставила его невольно содрогнуться и сжаться в комок на прохладном шёлке. Выступивший на теле пот тоже был холодным, лоб покрылся липкой, стылой влагой.

Он провёл рукой по лицу, стирая капли... рука, сильная рука, коснувшаяся щеки, показалась в этот миг невообразимо горячей.

Цзинчжэ инстинктивно отшатнулся, словно боялся обжечься этим жаром.

Его реакция заставила нависшую над ним тень исказиться, превращаясь в сгущающуюся грозовую тучу. Удушающее давление росло, и Цзинчжэ охватило неудержимое желание бежать...

Нельзя было его винить...

Жун Цзю, с которым он только что воссоединился, был не в себе.

Совсем, совсем не в себе.

Тень приближалась, и вскоре его горячее дыхание, подобное пламени, коснулось кожи. Странная, гнетущая мощь, исходившая от него, вызывала у Цзинчжэ неописуемый ужас.

И дело было не только в самом Жун Цзю, а в том, что происходило сейчас... Его тёмные глаза впились в Цзинчжэ. Это был всепоглощающий взгляд.

Словно его плоть, кости и нервы, всё его существо слой за слоем вскрывали острым, как нож, взглядом, обнажая до самых трепещущих внутренностей.

Именно это чувство Цзинчжэ ненавидел больше всего.

— Жун Цзю... очнись. Ты что, в бреду от жара? — стиснув зубы, выдавил он.

Но, боже, как же слабо и беспомощно прозвучали эти слова. Словно писк добычи, трепещущей под лапой хищника и тщетно пытающейся вырваться.

Но даже тщетные попытки — это всё же попытки.

Цзинчжэ вспомнил записку, в которой Жун Цзю писал, что не может явиться во дворец из-за недуга... Значит, сегодня он пришёл, потому что... выздоровел? Да как бы не так!

Один взгляд на этого обезумевшего монстра убеждал, что Жун Цзю окончательно потерял рассудок.

Иначе... как он мог произнести такие постыдные слова?

Казалось, Жун Цзю прислушался к нему. По крайней мере, его приближение на миг замедлилось.

Цзинчжэ ухватился за эту долю секунды. Он ловко извернулся, намереваясь выскользнуть у него из-под руки. Он не думал, насколько жалко и нелепо выглядел в этот момент, его единственной мыслью было — бежать от этого странного Жун Цзю, а потом...

А потом... Мысли путались. По идее, нужно было позвать имперского лекаря... но станет ли лекарь осматривать Жун Цзю, учитывая его положение... Наверное, станет, он ведь не раб, как они...

В голове у Цзинчжэ всё смешалось, но действовал он быстро.

Его проворство могло бы обмануть неопытного охотника.

Но он едва успел доползти до края кровати, как мир перевернулся. Его грубо швырнули обратно на мягкое ложе. От резкого движения голова закружилась, и он, схватившись за голову, тихо застонал.

— Куда?

Наконец-то. Наконец-то Жун Цзю заговорил.

Это должно было стать хорошим знаком. Полное молчание пугало бы куда больше, ведь тогда непонятно, как действовать.

Но реакция Цзинчжэ была иной. Он весь напрягся, обхватив колени руками. В его затуманенных тёмных глазах плескался едва уловимый ужас.

— ...Я... позову тебе лекаря...

Он не хотел признаваться, но смутно чувствовал, что этот вечер может закончиться чем-то ужасным. Он стоял на краю пропасти, не зная, станет ли следующий шаг падением в бездну, из которой уже не выбраться.

— Лекаря? — голос мужчины странно изогнулся, почти превратившись в искажённую усмешку, полную липкого, тягучего давления. — Ха-ха-ха... Лекаря...

Он тихо смеялся, и сам воздух, казалось, вибрировал от этого смеха, создавая гнетущую атмосферу.

— Если болен — нужно лечиться. Нельзя пренебрегать недугом, — повторил Цзинчжэ, на этот раз его голос звучал твёрже и спокойнее.

По крайней мере, он сумел подавить постыдную дрожь.

Жун Цзю чувствовал исходящий от него явный, знакомый страх.

Этот запах, таившийся в плоти Цзинчжэ, медленно просачивался наружу с каждым его словом и движением, разжигая в мужчине яростное желание разрушать.

Цзинчжэ боялся его.

Иначе не пытался бы сбежать.

Но этот факт не только не огорчил Жун Цзю, а, наоборот, подействовал как странный возбудитель, ввергая его и без того взвинченные нервы в какое-то опьянение... Ха... восхитительно...

Ему нравился этот запах.

Боящийся его Цзинчжэ, любящий его Цзинчжэ, плачущий Цзинчжэ, дрожащий Цзинчжэ... даже его попытки сбежать казались такими милыми.

...Он должен быть снисходительным.

Ведь чувствительные натуры всегда страдают больше обычных. Иначе как бы он сумел так ловко выживать до сих пор?

...Он будет очень снисходителен к Цзинчжэ. А значит, и Цзинчжэ должен быть снисходителен к нему...

Верно ведь?

Мужчина яростно провёл пятернёй по волосам, небрежно швырнув на пол головной убор. Тот ударился с громким стуком. На лице Жун Цзю появилась до странности нежная улыбка.

Он был так великодушен.

Даровал Цзинчжэ столько терпения.

Мужчина обнял его со спины, лишая всякой возможности к бегству. Цзинчжэ, застигнутый врасплох, замер, всем телом впечатавшись в раскалённую стену мышц.

Ловкие пальцы зажали ему рот и нос, а голова была откинута на плечо Жун Цзю. Тот почти в точности повторил недавнюю сцену. Пульсирующая жизнь, бьющаяся в его ладонях, зажгла в глазах Жун Цзю одновременно холод и безумие.

С самого начала у тебя была возможность уйти...

Жун Цзю прошептал это на ухо Цзинчжэ. Липкий, ледяной шёпот скользнул по позвоночнику, пронзая нервы.

Ох...

В тот самый миг, когда Цзинчжэ увидел Жун Цзю, его инстинкты сработали раньше, чем разум или чувства.

Жун Цзю почувствовал, как напряглись пальцы Цзинчжэ в его руке.

...И это было не только от холода, но и от какого-то необъяснимого страха... Цзинчжэ почувствовал... на уровне подсознания.

Но в тот момент, когда Жун Цзю схватил его, эмоции взяли верх над разумом. Даже когда тело кричало об опасности, Цзинчжэ неосознанно последовал за ним во тьму.

Жун Цзю стоял во тьме, и его тело тоже дрожало. Но это была не дрожь страха или холода, а дрожь яростного возбуждения.

На его холодном лице застыла странная улыбка, словно у чудовища, выбравшегося из преисподней. Он с трудом сдерживал рвущийся из горла рык:

— ...Один шаг, два...

Три шага, четыре.

Столько шагов сделал Цзинчжэ, попав в ловушку, чтобы добровольно подойти к Жун Цзю.

— Это ты... — выражение лица Жун Цзю стало холодным, словно все бушевавшие в нём эмоции замёрзли, и только глаза тускло поблёскивали в полумраке. — Это всё твоя вина, Цзинчжэ.

Его настроение менялось так быстро, словно неистовое лето в одночасье сменилось ледяной зимой. Но сила его чувств оставалась неизменной, пропитанной неугасимой страстью.

Так холодно, так властно и так нелогично мужчина свалил всю вину на Цзинчжэ.

В его горячей ладони Цзинчжэ издал короткий, сдавленный стон.

Он не видел, что делает мужчина, но чувствовал.

...Нет... он простонал...

Сейчас будет...

Безысходный стыд.

В этом безосновательном обвинении несчастный, невезучий Цзинчжэ был лишён всякой возможности возразить, даже шанса защитить себя. Он мог лишь беспомощно наблюдать, как Жун Цзю выносит ему приговор.

Он с трудом дышал. Сжатый в объятиях, он не мог даже пошевелить руками или ногами. Тело, готовое взвиться в конвульсии, было крепко прижато к нему.

Цзинчжэ мёртвой хваткой вцепился в руку мужчины, оставляя на напряжённых мышцах кровавые царапины.

Как страшно...

Он всхлипывал, такой обиженный.

И в тот миг, когда он по-настоящему заплакал, всепоглощающие тиски наконец ослабли.

Но у Цзинчжэ уже не было сил бежать. Он рухнул на грудь Жун Цзю и зарыдал в голос, так жалко, прерывисто всхлипывая. От слишком частого дыхания он икнул и задышал ещё

тяжелее.

Пережитое удушье заставляло его отчаянно хватать ртом воздух.

— ...Я... не... это ты...

Цзинчжэ не мог связать и двух слов.

Каждое обрывалось новым всхлипом.

Жун Цзю поднял его, разглядывая заплаканное лицо, а затем наклонился и слизал солёные слёзы.

На вкус они были горьковатыми.

Но мужчину это не смутило. Он продолжал целовать его глаза, мешая Цзинчжэ их открыть. Тот беспомощно толкал его в грудь, продолжая икать.

Такой уродливый, такой жалкий... как он вообще может меня целовать?

Цзинчжэ был в смятении. Он так сильно плакал, что страх удушья всё ещё сковывал его, заставляя дышать часто и прерывисто.

Голова кружилась, мысли окончательно спутались. Мужчина медленно уложил его на шёлковые простыни, разглядывая его покрасневшее лицо и скрежеща зубами.

Цзинчжэ в тумане отвернулся и увидел, как рука, опирающаяся на подушку рядом с его плечом, напряглась до предела. Казалось, Жун Цзю прилагал все силы, чтобы не растерзать его.

— Где Его Величество?

В эту новогоднюю ночь Цзун Юаньсинь не собирался праздновать. Он был один, с кем ему отмечать?

Ах, нет, был один человек.

Цзун Юаньсинь решил, что сегодня будет дежурить во дворце Цяньмин.

Только если другие встречали новый год, то он...

Он встречал его с императором Цзиньюанем.

С тех пор как Цзиньюань решил заняться своим здоровьем, больше всех радовались не Нин Хунжу и Ши Лицзюнь, а сам Цзун Юаньсинь.

Нин Хунжу даже пару раз заставлял его напевающим и пританцовывающим у котла с лекарствами... зрелище было, мягко говоря, неприглядное.

Прошёл уже месяц с тех пор, как Цзун Юаньсинь взялся за лечение Цзиньюаня.

Этот месяц он контролировал каждый аспект жизни императора: когда вставать, когда ложиться спать, когда принимать лекарства, когда принимать лечебные ванны, даже что есть.

По мнению Цзун Юаньсиня, тело Цзиньюаня было подобно треснувшему глиняному горшку — с виду крепкое, с поразительной выносливостью. Но всё это было лишь платой за счёт его жизненных сил.

Когда придёт время, долги придётся возвращать.

Сейчас Цзун Юаньсинь должен был залатать все трещины в этом горшке, иначе он так и будет терять жизненную энергию. И только когда все прорехи заделаны, можно будет наполнять его новой плотью и кровью.

Но это был медленный процесс.

Потому что это «латание» было процессом извлечения яда из плоти, крови и костей Цзиньюаня. Цзун Юаньсинь должен был очень точно дозировать лекарства, чтобы, не нарушая баланс в организме, постепенно вытеснять яд.

Это был очень коварный, холодный яд.

Он не убивал сразу, но причинял невыносимые страдания.

Цзиньюань был отравлен в раннем детстве, и яд рос вместе с ним все эти годы.

Отрава подавляла внутренний «огонь», влияя даже на эмоции, делая человека жестоким и бесчувственным.

Цзун Юаньсинь считал, что жестокость Цзиньюаня была отчасти врождённой, но отчасти —

следствием этого яда.

Чтобы разжечь подавленный «огонь», Цзун Юаньсинь постепенно добавлял в еду императора целебные травы.

Все эти блюда он готовил сам, идеально подбирая их под состояние Цзиньюаня.

Была лишь одна проблема — они были отвратительны на вкус.

Пахли они хуже, чем настоящее лекарство, вызывая тошноту.

Но Цзиньюань каждую трапезу съедал всё, не меняясь в лице.

После месяца лечения в его состоянии наметились изменения. Даже эмоции стали проявляться чуть ярче, хотя эти изменения были настолько тонкими, что заметить их мог лишь тот, кто очень хорошо знал императора.

Получив подтверждение от Нин Хунжу и Ши Лицзюнь, что он движется в верном направлении, Цзун Юаньсинь воспрянул духом и, потирая руки, приготовился к следующему этапу.

На этом этапе он собирался действовать решительнее.

Он даже специально предупредил двух управляющих дворца Цяньмин, очень серьёзно: «Этот этап — ключевой. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы Его Величество потерял контроль. Помните, нужно поддерживать стабильное состояние — ни слишком холодно, ни слишком жарко».

Нин Хунжу понял, что имел в виду Цзун Юаньсинь, и стал внимательно следить за императором.

Но прошёл месяц, а Цзиньюань вёл себя как обычно, не выказывая никаких признаков потери контроля, о которых предупреждал лекарь.

И всё же, несмотря на всю бдительность Нин Хунжу, в новогоднюю ночь он упустил императора.

В это время Цзун Юаньсинь уже отдыхал в боковом дворце.

Конечно, он не спал.

Он лежал в кровати и читал, хмурясь так, словно увидел что-то очень серьёзное.

Услышав срочное донесение от посланника Нин Хунжу, Цзун Юаньсинь вскочил с кровати в ярости.

Гнев опалил его с ног до головы, лицо побагровело. Он выбежал, даже не надев обувь.

К этому моменту люди Нин Хунжу уже обыскали весь дворец Цяньмин, но не нашли Цзиньюаня. К тому же император был невероятно ловок и всегда появлялся и исчезал незаметно. Обычная стража и не заметила его ухода.

То, что императора нет во дворце Цяньмин, само по себе не было чем-то из ряда вон выходящим.

Но для Цзун Юаньсиня это было ЧП.

В глазах лекаря важна каждая деталь.

Весь этот месяц Цзиньюань вёл себя образцово, демонстрируя твёрдое намерение лечиться. Он не возражал даже против самых строгих требований.

Это говорило о том, что император осознавал серьёзность своего положения и действительно хотел выздороветь. А значит, он должен был понимать, что слова Цзун Юаньсиня — не пустой звук.

Раз уж лекарь контролировал каждый его шаг, Цзиньюань не стал бы уходить без причины.

Всё это основывалось на понимании Цзун Юаньсинем характера императора.

Да, он был непредсказуем и своенравен. Но если Цзиньюань давал слово, он его держал.

И вот теперь он совершил нечто непредвиденное.

— Плохо дело, — пробормотал Цзун Юаньсинь. — Нужно срочно найти Его Величество.

Нин Хунжу, ещё не найдя императора во дворце, уже отправил людей на поиски. Услышав слова Цзун Юаньсиня, он почувствовал, что напряжение нарастает.

— Что-то не так? — спросил он.

Цзун Юаньсинь всё ещё кипел от злости, но уже немного остыл и лихорадочно соображал:

— ...Лекарство слишком сильное. Под его действием император инстинктивно захочет выплеснуть накопившуюся ярость...

Но он же рассчитал дозу так, чтобы этого не случилось.

Как он мог потерять контроль?!

Чем больше Цзун Юаньсинь говорил, тем больше бледнел. А вот Нин Хунжу, наоборот, успокоился.

— Если дело только в том, чтобы кого-то убить, это несложно устроить.

Цзун Юаньсинь не мог поверить своим ушам. Неужели Нин Хунжу, этот умник, сегодня превратился в такого же тупицу, как и все остальные?

— Если бы он хотел убивать, — взорвался он, — зачем ему уходить? Ему что, всего дворца Цяньмин мало?!

Нин Хунжу тут же всё понял. Его лицо изменилось.

Он, не говоря ни слова, бросился к выходу. Сделав несколько шагов бегом, он сдержался и перешёл на быстрый шаг.

Видя, что тот наконец осознал, что он имел в виду, Цзун Юаньсинь вздохнул и последовал за ним.

...Надеюсь, ещё не поздно.

Характер этого императора был крайне жесток. Даже его симпатия была окрашена извращённым желанием разрушать.

Если он даст волю своим инстинктам без всякого контроля, это будет настоящая трагедия. Кто сможет вынести безумную, яростную «любовь» императора?

И любовь ли это вообще?

Нет. Нет. И снова нет.

Хуже всего было не то, что император исчез, а то, что они не могли его найти.

У императора были тайные стражи, но Нин Хунжу не стал бы прибегать к их помощи без крайней необходимости.

Люди, посланные Нин Хунжу, уже побывали в Управлении по надзору за дворцовыми залами, Управлении по закупкам и на Императорской кухне. Это были места, где мог появиться Цзинчжэ, но его там не было.

Конечно, когда Цзинчжэ не нашли в Управлении по надзору, Нин Хунжу уже понял, что дело плохо.

Он уже собирался отправить людей в Северные покои, как его схватила за руку Ши Лицзюнь. Она наклонилась и что-то прошептала ему на ухо. Нин Хунжу удивлённо посмотрел на неё и изменил направление.

...Они направились во дворец Сефан.

В Западное крыло.

Это были покои Цзинъюаня, когда он ещё был принцем.

Он жил лишь в одной маленькой комнате.

В огромном дворце Сефан были сотни комнат.

В те времена принцы и принцессы жили со своими матерями-наложницами и лишь в двенадцать-тринадцать лет получали право на собственное поместье за пределами дворца. Они редко переезжали.

Но Цзинъюань был исключением. С самого начала он жил в Западном крыле.

Даже после смерти Вдовствующей императрицы Цышэн, когда его взяла на воспитание мачеха, нынешняя Вдовствующая императрица, он не переехал к ней в гарем, а с молчаливого согласия покойного императора остался в Западном крыле.

Таким обособленным был только Цзинъюань.

Именно тогда Нин Хунжу вместе с Ши Лицзюнь был назначен прислуживать ему.

К счастью, они уже были недалеко от Императорской кухни, а дворец Сефан находился

поблизости, так что добрались они быстро.

Но когда Нин Хунжу, шедший впереди, переступил порог, он услышал какой-то странный звук, резко развернулся и преградил дорогу остальным.

Цзун Юаньсинь, шедший за ним, наткнулся на него и раздражённо спросил:

— Управляющий Нин, что вы делаете?

Нин Хунжу спокойно и невозмутимо ответил:

— Думаю, нам не стоит беспокоиться о том, что делает Его Величество. Нужно просто терпеливо ждать.

— Терпеливо? Чёрта с два! Если... — не успел Цзун Юаньсинь договорить, как до него донеслись тихие, прерывистые всхлипы. В ночной тишине этот звук заставил его похолодеть.

Но тут же он всё понял. Его глаза округлились, он посмотрел за спину Нин Хунжу, потом на остальных.

Все как один опустили головы, делая вид, что ничего не слышат.

Цзун Юаньсинь криво усмехнулся и погрозил Нин Хунжу пальцем.

Нин Хунжу виновато улыбнулся, пытаясь успокоить разбушевавшегося лекаря. Остальные остались стоять у входа, не смея проронить ни слова.

Кто осмелится войти и помешать императору?

Конечно, Цзун Юаньсинь мог.

Он стоял в стороне и бормотал что-то о том, что в нынешнем состоянии императору не следует слишком... кхм... и вообще... Если бы Нин Хунжу его не уговаривал, он бы точно ворвался внутрь.

О небеса, Нин Хунжу не хотел видеть, как Цзун Юаньсиня разорвут на куски. Кое-как он отговорил лекаря от этой затеи.

Цзинчжэ ненадолго забылся сном, но его разбудили, когда горячее тело за его спиной снова прижалось к нему. Он не сдержался и заплакал.

Но на этот раз слёз было меньше.

Жун Цзю недовольно слизал их.

Цзинчжэ прохрипел, всхлипывая:

— ...Ты... ты что за человек такой, почему ты всё никак не...

Как можно быть твёрдым как железо и никак не успокаиваться?

Это вообще человек?

Цзинчжэ казалось, что он уже сделал всё возможное, был храбрым и очень старался помочь, но нельзя же до боли в руках пытаться успокоить то, что и не думало униматься.

Что это за гриб такой, который никак не вырвать?

В полудрёме ему показалось, что снаружи слышались какие-то звуки. Он инстинктивно прижался к Жун Цзю.

Снаружи было холодно, и только грудь Жун Цзю пылала жаром. Цзинчжэ, жаждавший этого тепла, прильнул к нему, как добыча, дрожа, но всё равно ища укрытия.

Р-раз!

В тот момент, когда Цзинчжэ терзался отчаянием, он услышал зловещий треск ткани внизу. Рука метнулась следом, и он инстинктивно перехватил её, прижав к своему животу.

Ладонь была такой горячей, что он вздрогнул.

— Что ты делаешь?

— Долг платежом красен, — прошептал Жун Цзю ему на ухо, почти вгрызаясь в него.

Цзинчжэ казалось, что он тонет. Мысли путались, и даже слова выходили какими-то вязкими.

— ...Не надо, я... — язык прилип к нёбу, — ...я евнух, у меня там ничего нет...

— А мы проверим, — в голосе Жун Цзю звучало странное возбуждение. Никакого отвращения, только нетерпение.

Цзинчжэ был готов упасть в обморок. Что это за странные пристрастия? У человека же должны быть хоть какие-то рамки... Жун Цзю точно... не человек...

Он инстинктивно сжал в руке «гриб», всё сильнее и сильнее, пока Жун Цзю не вздохнул.

— Ты мне его сейчас оторвёшь.

Цзинчжэ резко отдернул руку, готовый умереть от смущения.

Всё, что произошло этой ночью, было для него слишком большим потрясением. Голова раскалывалась.

Через некоторое время он почувствовал, как большая рука Жун Цзю гладит его по спине, снова и снова. Ладонь была грубоватой, и прикосновения немного царапали, но эта успокаивающая ласка словно сглаживала все его иголки.

Цзинчжэ, ошеломлённый, лежал так некоторое время, а потом тихо спросил:

— Ты... пришёл в себя?

Голос звучал глупо, недоверчиво.

— М-м, — ровно ответил Жун Цзю.

Цзинчжэ сильнее вцепился в его руку. На ней и так было много царапин, теперь станет ещё больше.

Он был так обижен.

— Ты... ты только что... так...

Он жаловался, обвинял.

Только что Жун Цзю делал то, и это, и нарочно пугал его, и ещё хотел, хотел...

При этой мысли Цзинчжэ побледнел.

— Почему не говоришь?

— А смысл?

— Почему нет смысла?

— Ты болен.

Цзинчжэ понуро опустил голову. Он чувствовал, что Жун Цзю временами теряет рассудок, но эта всепоглощающая ярость почти разрушила его доверие.

Как можно быть таким...

Таким...

Злым.

Цзинчжэ свернулся калачиком, отчего стал казаться ещё меньше.

— ...Потому что я болен, ты меня прости? — в его голосе прозвучали странные, вопросительные нотки.

Цзинчжэ снова отполз от него и, отвернувшись, угрюмо пробормотал:

— Вовсе нет.

А потом добавил:

— Я буду спать. Не смей меня будить.

Он был похож на жалкую рыбку, которую, хоть и нельзя вытаскивать из воды, какой-то безумный рыбак всё же выдернул, измучил и бросил обратно. Он был ещё жив, но уже на грани.

Цзинчжэ действительно сразу уснул. Он очень устал.

Целый день работал, потом эта внезапная встреча с Жун Цзю, которая вымотала его до

предела, потом он ещё и плакал... Теперь он был истощён не только физически, но и морально.

Спал он беспокойно, потому что было холодно.

Поворочавшись несколько раз, Цзинчжэ, обиженно отползший подальше, незаметно приблизился к источнику тепла и, осторожно прижавшись к Жун Цзю, наконец заснул глубже.

Говорил, что не верит, а сам придвинулся так близко.

Жун Цзю смотрел на лицо Цзинчжэ. В тусклом свете единственной лампы было почти ничего не видно, но взгляд мужчины был взглядом хищника, полным неприкрытого желания.

Неизвестно, сколько прошло времени, но густой запах в комнате вдруг стал ещё насыщеннее.

Жун Цзю, обнажённый, встал с кровати, небрежно накинул на себя одежду и вытер липкую жидкость с рук.

Люди, дежурившие у входа, услышали движение и поспешили к двери.

В этом Западном крыле давно никто не бывал. Хоть здесь и убирали каждый день, всё равно чувствовался запах тления, как и во всём этом прогнившем Запретном городе.

Нин Хунжу проявил расторопность и велел приготовить жаровни. Хоть он и не смел открыть дверь, но уже нашёл способ согреть покой.

— Приготовьте воду, — раздался изнутри знакомый, хриплый голос. Нин Хунжу был так благодарен, что готов был упасть на колени. — Внесите жаровни.

Дверь открылась.

Из тёмной комнаты потянуло странным запахом. Цзун Юаньсинь принюхался со странным выражением лица.

Пока евнухи, опустив головы, суетились, как муравьи, Цзун Юаньсинь подошёл ближе и в тусклом свете луны взглянул на мужчину.

— ...Ты же... знаешь, что тебе нельзя... предаваться излишествам? — запинаясь, намекнул он.

Запах в комнате был таким явным, что Цзун Юаньсинь не мог притвориться, что у него пропало обоняние. Это... это...

Так вот что император имел в виду, говоря о своей «собачке»?

Кто эта девушка? Какая же она невезучая. Мало того, что её сравнивают с животным, так ещё и в неё влюбился такой безумец, как император.

— Не было, — спокойно ответил Хэлянь Жун.

— Чего не было? — Цзун Юаньсинь всё ещё думал о несчастной девушке и говорил рассеянно.

— Излишеств.

Хэлянь Жун ответил холодно.

Лицо Цзун Юаньсиня стало ещё более озадаченным. Он смерил Хэлянь Жуну взглядом с ног до головы. Что-то не сходилось. Он-то думал, что император, потеряв контроль, действительно...

Но, судя по всему, император был в полном сознании.

— Ты не терял контроль? — нахмурившись, прямо спросил Цзун Юаньсинь.

— Кто сказал, что я его терял?

Хэлянь Жун был невозмутим. На его холодном лице застыл лишь лёд.

Не терял контроль? Тогда что это было за представление сегодня ночью?

Когда Цзинчжэ проснулся, он обнаружил себя в мягкой постели. Он долго тупо смотрел на полог кровати, прежде чем сесть.

Опустив взгляд, он увидел, что на нём другая одежда. Он помедлил, а потом потянул за край, пытаясь заглянуть под неё.

Кажется, штаны остались те же, разорванные, еле держатся.

— Не менял, — раздался холодный голос. Цзинчжэ вздрогнул и инстинктивно зарылся обратно в одеяло.

Это была чисто рефлекторная реакция.

Осознав, что он делает, Цзинчжэ был готов умереть от стыда. Он спрятался под одеялом, желая спросить, где он, но не желая говорить.

Пока он колебался, чьи-то руки подняли его вместе с одеялом.

Он испуганно взвизгнул и принялся барахтаться, пытаясь выбраться.

Жун Цзю усадил его за стол.

Когда Цзинчжэ наконец высунул растрёпанную голову, он увидел на столе еду.

— Ты ведь с самого обеда ничего не ел, — раздался сзади ровный мужской голос.

Если бы ему не сказали, он бы и не заметил. Но теперь он почувствовал дикий голод. Он и так был слаб, а от голода стало ещё хуже.

Но было кое-что поважнее еды.

— Жун Цзю, ты... вчера... — Цзинчжэ взглянул на небо за окном. Было ещё темно, так что он поправился: — Ты тогда... что это с тобой было?

Он никогда не видел Жун Цзю таким.

Словно в нём кипело какое-то странное возбуждение, и что бы он ни говорил, что бы ни делал, это было лишь масло в огонь.

— Я был отравлен, — холодно ответил Жун Цзю, словно это была какая-то мелочь. — Наконец нашёл лекаря, который может избавить меня от яда. Но лекарство оказалось слишком сильным, и прошлой ночью...

Он не договорил, но Цзинчжэ уже сам дорисовал картину вчерашней трагедии.

Он содрогнулся и сжался в одеяле. Не «слишком сильным», а превратившим Жун Цзю в дикого мустанга, несущегося сломя голову!

Цзинчжэ надул щёки и понуро опустил голову.

— Но ты всё равно меня напугал.

Цзинчжэ был всего лишь невинным юношей, стоящим на границе между отрочеством и молодостью. Его плечи были ещё по-мальчишески узкими.

Такая яростная страсть была для него слишком сильной, словно нежный цветок, попавший под ураган. Хоть корни и были глубоки, но лепестки трепетали, готовые вот-вот осыпаться.

— Так ты жалеешь? — спросил Жун Цзю.

Цзинчжэ поджал губы.

— Ты всегда так. Сам виноват, а спрашиваешь меня, — пожаловался он почти капризно. — Неужели нельзя просто сказать: «Хорошо, я исправлюсь»? Тогда бы я и не боялся, и не злился!

Отец всегда так извинялся перед матерью.

Даже если он что-то натворил, стоило ему извиниться и пообещать исправиться, и всё забывалось.

Цзинчжэ был отходчивым, он бы быстро всё забыл.

Но Жун Цзю не хотел, чтобы он забывал.

И потому он услышал в ответ ледяной, похожий на вздох, голос:

— Исправлять ошибки — это правильно. Но... я не могу, Цзинчжэ.

Он не улыбался, но Цзинчжэ почему-то показалось, что он слышит его смех.

— Я не могу обещать того, чего не могу сделать. Ты же не хочешь, чтобы я стал лжецом, который обманывает тебя на каждом шагу?

Это был тот же ровный, прохладный тон, который для Цзинчжэ, по сравнению с тем, как он говорил с другими, был почти нежностью. Кто ещё достаивался таких длинных речей от Жун Цзю?

Но постепенно из этих слов прорастала неопишуемая, ужасающая тьма, готовая поглотить Цзинчжэ целиком.

Он молча поджал губы, уставившись на еду на столе.

Голод прошёл. Вместо него внутри разгоралось пламя.

— Да я тоже могу разозлиться!

Цзинчжэ ловко выскользнул из одеяла — надо отдать ему должное, его тело было гибким и сильным от постоянного труда, покрытым тонким слоем мышц. Хотя и не сравнить с Жун Цзю, но всё же. Он развернулся и ударил Жун Цзю кулаком в правый глаз.

Они сидели на одном стуле.

Стул, очевидно, не был рассчитан на такие резкие движения. Хотя за ним и ухаживали, он давно не использовался и жалобно заскрипел.

Одеяло соскользнуло на пол. Цзинчжэ сидел верхом на Жун Цзю, одной рукой вцепившись в его воротник, а другой ударив в живот.

Хоть и не в полную силу, но всё же довольно сильно.

— Мне всё равно, справишься ты или нет, но за свои поступки нужно извиняться! — пальцы Цзинчжэ, сжимавшие одежду Жун Цзю, побелели от напряжения. Его ясные глаза сверлили мужчину. — Мне всё равно, поможет это или нет, но я должен это услышать!

Руки Жун Цзю лежали на талии Цзинчжэ — то ли боясь, что тот упадёт, то ли контролируя его.

Кроме мимолётной гримасы боли в момент удара, его лицо оставалось непроницаемым. Тёмные, безразличные глаза с лёгким недоумением смотрели на Цзинчжэ.

Недоумением?

Да как он смеет ещё и недоумевать?!

Как раз в тот момент, когда гнев снова вскипел в Цзинчжэ, и он замахнулся для нового удара, Жун Цзю произнёс:

— Прошлой ночью я был дерзок и оскорбил тебя. Прошу прощения.

Его голос был холодным. Склонив голову, он смотрел на Цзинчжэ и отчётливо произносил слова, которые тот хотел услышать.

У Цзинчжэ перехватило дыхание. Он опёрся руками о плечи Жун Цзю и нахмурился, разглядывая его.

Жун Цзю невинно позволял себя рассматривать.

На его поразительно красивом лице расплывался синяк, нарушая идеальные черты и придавая ему немного комичный вид. Сердце Цзинчжэ дрогнуло. Он вздохнул.

— Я тебя прощаю.

Пальцы Жун Цзю на его талии сжались.

— Почему?

Он не уточнил, о чём именно спрашивает, но Цзинчжэ, казалось, понял.

Он сердито посмотрел на Жун Цзю и сел ровнее.

— Мне всё равно, что это за недуг у тебя, врождённый он или ты просто хочешь меня напугать. Но за свои ошибки нужно извиняться. И неважно, поможет это или нет. Это решать мне.

Жун Цзю недоумённо нахмурился:

— Но какой смысл извиняться, если не собираешься исправляться?

— Смысл есть, — само собой разумеющимся тоном ответил Цзинчжэ. — По крайней мере, раньше ты никогда не извинялся.

И это было правдой.

Кто осмелится требовать извинений от Жун Цзю?

Цзинчжэ прополоскал рот чаем и принялся есть маленькими кусочками. Он был голоден как волк и едва справился с самым важным разговором. Насытившись, он глубоко вздохнул.

В его вздохе были и печаль, и лёгкая грусть.

— Если бы я знал, какой у тебя характер, когда мы познакомились, я бы обходил тебя стороной.

Хоть Цзинчжэ и был падок на красоту, но каким бы красивым он ни был, если характер у него скверный, он, не любивший проблем, держался бы от него подальше.

Но он, увы, был ослеплён и угодил в ловушку.

Цзинчжэ обернулся и посмотрел на лицо Жун Цзю.

Синяк уже начал расплываться, приобретая красновато-синий оттенок. Сердце Цзинчжэ сжалось. Знал бы — бил бы по телу, а не по лицу.

— Тебе очень нравится моё лицо, — ровно произнёс Жун Цзю.

Цзинчжэ надул губы:

— Красота — страшная сила.

Истинное проклятие. Один раз оступился — и уже не выбраться.

Он посмотрел на светлеющее небо за окном и спросил:

— Тебе... правда не противно?

— Потому что ты евнух? — бесстрастно спросил Жун Цзю. — Я что, вчера об этом узнал?

Цзинчжэ вспомнил вчерашнее безумное желание Жун Цзю и штаны, которые он отстоял с таким трудом, и поджал губы.

— Мне пора возвращаться.

Он не был в Управлении по надзору всю ночь и теперь ломал голову, как будет объясняться. И где он вообще находится?

Почему Жун Цзю так хорошо ориентируется в гареме? Хотя он и дворцовый страж, так что, наверное, должен... но самовольно покидать пост... почему Вэй Хайдун его не ругает...

В голове у Цзинчжэ роились эти странные мысли, пока Жун Цзю не принёс одежду и не начал его одевать.

— Я сам, — очнулся он.

Но Жун Цзю не отдал одежду. Он неторопливо одел Цзинчжэ, усадил его на кровать и, опустившись на колени, начал обувать.

Цзинчжэ инстинктивно отдёрнул ногу.

— Не нужно делать этого... из чувства вины.

Жун Цзю крепко схватил его за лодыжку и усмехнулся.

— Вины?

Он поднял голову, и его тёмные глаза впились в Цзинчжэ.

— Я просто хочу это делать.

Жун Цзю позаботился о нём с головы до ног, словно сам одевал его в ту одежду, что сорвал прошлой ночью.

Цзинчжэ чувствовал себя неловко. Когда его вывели наружу, он с запозданием понял, как близко отсюда до Императорской кухни.

И Управление по надзору тоже рядом.

Они всю ночь были так близко, и ещё...

Цзинчжэ обернулся, увидел надпись «Дворец Сефан» и чуть не упал в обморок.

Конец. Если он когда-нибудь и умрёт, то либо его убьют, либо он умрёт за разврат в гареме...

— Не умрёшь, — ровно произнёс Жун Цзю.

Цзинчжэ испуганно зажал рот рукой и пробормотал:

— Откуда ты знаешь?

Жун Цзю задумался.

— Потому что императору всё равно, что происходит в гареме. Ему всё равно, кто наставит ему рога.

Цзинчжэ ошеломлённо уставился на него.

— Такой... великодушный?

Жун Цзю, казалось, что-то вспомнил и тихо рассмеялся.

— Да. Поэтому, Цзинчжэ, — его голос приблизился, — можешь развратничать в своё удовольствие...

Цзинчжэ, зажав уши, бросился бежать.

Управление по надзору было совсем рядом. Он мог добежать туда с закрытыми глазами. Он не собирался больше слушать пошлости Жун Цзю. А-а-а, уши запачкались!

Жун Цзю выпрямился, провожая взглядом удаляющуюся фигуру Цзинчжэ, пока та не скрылась в конце дворцового коридора. Выражение его лица постепенно застывало, пока не превратилось в ледяную маску.

Казалось, с уходом Цзинчжэ из него ушла и последняя капля человеческого тепла.

Вернее, когда Цзинчжэ не было рядом, Хэлянь Жун всегда был таким.

Цзинчжэ сломя голову ворвался в Управление по надзору, словно спасаясь от погони. Он лишь рассеянно кивал знакомым, не останавливаясь ни на секунду, и, как ураган, влетел в свою комнату. Сбросив обувь, он зарылся в постель.

Это было самое безопасное место в мире.

Хуэйпин проснулся от шума. Сегодня ему не нужно было вставать рано, и он сонно пробормотал:

— Цзинчжэ... что случилось?

— Ничего, спи дальше, — донеслось из-под одеяла.

Только когда в комнате снова воцарилась тишина, Цзинчжэ свернулся калачиком, прижимая руку к бешено колотящемуся сердцу.

Вчерашнее было слишком внезапным. Только сейчас он смог перевести дух.

Он лежал так некоторое время, а потом уставился на свою руку.

Вчера эта рука вырывала гриб.

Сегодня эта рука была Жун Цзю.

Ничего себе... какой скачок... он... что вообще происходит с Жун Цзю...

Он... нарочно... проверял его?

Цзинчжэ с трудом вытянул одну ниточку из спутанного клубка мыслей. Но, вытянув её, он столкнулся с ещё большим клубком и замолчал.

Но зачем его проверять?!

Нет-нет... Цзинчжэ, не думай так... он отравлен, это болезнь...

— ...Страшно было по-настоящему... — пробормотал он.

Но почему...

Он раздражённо перевернулся на другой бок. Услышав, что Жун Цзю был отравлен в детстве, он почувствовал укол жалости.

Цзинчжэ, Цзинчжэ, жалеть мужчин — это болезнь!

Он пожалел Жун Цзю. А Жун Цзю пожалел его вчера ночью?!

Кроме этих несчастных штанов, с него сорвали всё, съели целиком.

Ему никогда в жизни не было так стыдно!

И как ему не было противно?

Хэлянь Жун равнодушно выпил чашу с лекарством. Горечь, казалось, разъедала кости. Он слышал бормотание Цзун Юаньсиня.

— Как же так... как это лекарство могло...

Да, как могло лекарство Цзун Юаньсиня дать сбой?

Пока слуги суетились, Хэлянь Жун, сидевший во главе стола, подперев голову рукой, задремал.

В зале стало ещё тише.

Он мог дать Цзинчжэ много времени. Чтобы тот постепенно увяз, постепенно потерял силы к сопротивлению и соскользнул в липкую ловушку, из которой уже не выбраться.

Медленно, но верно, так ведь говорят?

Но Цзинчжэ был так любвеобилен. Куда бы он ни пошёл, его все любили. Эти взгляды, эта забота, это близкое общение...

Чрезмерная доброта становилась ненужной помехой.

Если Цзинчжэ и вправду думал, что он такой заботливый и нежный любовник, он сильно ошибался.

Только...

Хэлянь Жун открыл глаза и прижал руку к правому глазу.

Там, где его ударили, тупая боль всколыхнула волну безумия и мрака, прорвавшую ледяное спокойствие.

— Ха-ха-ха-ха...

Хэлянь Жун рассмеялся.

Этот смех напугал прислуживающих в зале. Некоторые не выдержали и упали на колени, дрожа и не смея поднять головы.

В зале воцарилась мёртвая тишина, нарушаемая лишь смехом Хэлянь Жуна.

Даже против воли он откроется ему.

Даже рыдая, будет жаловаться.

Будет бить его, вцепившись в воротник, и требовать извинений, даже если они бесполезны.

Почувствовав опасность, бросится бежать, такой сообразительный, такой быстрый, что и глазом моргнуть не успеешь.

...Реакция Цзинчжэ всегда была непредсказуемой.

Неутолимое возбуждение бушевало в груди. Он прикусил язык, чтобы хоть как-то унять неустанный пламя.

Нежность и извращённая злоба переплетались, порождая холодное, неудержимое желание обладать.

Разве можно его винить?

Верно ведь?

По крайней мере, он очень уважал Цзинчжэ. Он не стал срывать с него последнюю тайну, позволив ему сохранить свой маленький секрет, о котором, как тот думал, никто не знает.

Он ведь хороший, правда?

Какая жалость, Цзинчжэ.

Всё это выросло из твоего же попустительства.

Хэлянь Жун протянул руку. На его бледном запястье виднелись кровавые царапины.

Он с наслаждением слизал кровь, словно вкушая гнев и страх, оставленные Цзинчжэ.

И это было лишь начало.

<http://bllate.org/book/16993/1587313>